

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Смерть
никогда не стареет

Евгений Евгеньевич Сухов
Смерть никогда не стареет
Серия «Расследования
криминального репортера», книга 11

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18117690

Смерть никогда не стареет / Евгений Сухов: Издательство «Э»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-86535-2

Аннотация

Зверски убита жена профессора Чекулаева – Анна. У ее соседа Павлова сыщики нашли орудие убийства – молоток со следами крови жертвы. Дело закрыто, Павлов получил срок. Но с этим никак не может смириться друг осужденного – редактор газеты Геннадий Нехватов. У него есть неопровержимые доказательства невиновности Павлова, которые он собирается обнародовать с помощью известного журналиста Аристарха Русакова. Встреча назначена на автобусной остановке. Договорившись с Нехватовым о дальнейших действиях, Русаков собирается уходить, как вдруг замечает подозрительную старушку с точно таким же, как у Нехватова, «дипломатом». Хитрый взгляд старушки показался Русакову очень знакомым...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Евгений Сухов

Смерть никогда не стареет

© Сухов Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Его величество случай, или Последняя встреча с хорошим человеком

Что бы ни говорили о Его Величестве Случае, который якобы решает все, однако всякая случайность в нашей жизни закономерна. То есть подчиняется общим законам, которые заложены в матрице возможностей. И если с вами что-либо происходит неожиданное, то возможность случившегося была predetermined загодя и находилась в одной из ячеек той самой матрицы. Поэтому я был уверен, что моя встреча с Нехватовым и то, что произошло дальше, ни в коей мере не являлось намеренностью. Все это было подстроено и выверено едва ли не посекундно, теми составляющими или невидимыми силами, что пишут сценарий жизни до нашего рождения. И контролируют их точное исполнение.

С Геннадием Павловичем Нехватовым я был знаком давно — года два до моего поступления на работу в телекомпанию «Авокадо», тогда я служил корреспондентом в газете «Московский репортер». А Нехватов был ее главным редактором.

Геннадий Павлович был мужик что надо. Стоящий, как о

таких говорят. Весовой. Перед сильными мира сего не прогибался, шапку перед ними не ломал, блага и привилегии не выпрашивал. Жил как все.

И газета была весьма приличной. Имела тираж тридцать тысяч экземпляров и освещала жизнь Москвы и москвичей во всем их многообразии: начиная от бомжей и заканчивая президентом. Собственно, на своем многообразии она и погорела, поскольку выдала скандальную публикацию о возможном разводе с супругой одного из главных политических фигурантов страны. После чего «Московский репортер» тотчас прикрыли. Так, как это обычно и делается с неудобными властью изданиями: нет газеты – нет проблемы! Ей попросту перекрыли кислород в плане финансирования. И еще рекламодателям «настоятельно рекомендовали» не давать в «Московский репортер» рекламу ни под каким соусом. Подавляющее большинство рекламодателей послушались, не пожелав ссориться с властями, что снизило для «Московского репортера» приток финансирования извне почти напич. Но какое-то время издание держалось на плаву: первые полгода была сокращена половина сотрудников, во втором полугодии крепко урезали зарплату, и вскоре газета из ежедневной превратилась в еженедельную. Так было, пока киоски не перестали ее брать, ссылаясь на то, что «Московский репортер», дескать, не покупают. Что было очевидной неправдой. Просто данная акция была следующим шагом по уничтожению газеты, который ее окончательно и добил, поскольку ти-

ражи стали зависеть, а газета стала приносить убытки. Примечательно, что указанный фигурант, из-за публикации о котором и произошел крах «Московского репортера», позже действительно развелся с женой. Так что «Московский репортер» пострадал за правду, что не являлось успокаивающим моментом...

В пятницу двадцать второго мая две тысячи пятнадцатого года я шел себе спокойно на службу в телекомпанию «Авокадо», где я тружусь уже седьмой год и нахожусь на хорошем (к чему излишняя скромность) счету, как вдруг меня окликнули по имени:

– Аристарх!

Я обернулся и увидел на автобусной остановке, мимо которой я уже прошел, нашего бывшего главного редактора Геннадия Павловича Нехватова. Он сидел на лавочке под остановочным навесом и махал мне рукой. Возле его ног стоял коричневый «дипломат» из кожанаменителя, популярный некогда у студентов вузов и мелкой чиновной сошки в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов прошлого столетия.

Я остановился, повернулся и пошел к остановке...

* * *

Шесть с половиной лет! Такой срок отделял нас от последней встречи, когда главный редактор «Московского репор-

тера» Геннадий Павлович Нехватов собрал в своем кабинете нас, четверых патриотов газеты, что остались с ним до конца: двух корреспондентов – Вову Чикина и меня, корректора Полину Шлыкову и заместителя главного редактора и верстальщика в одном лице Витюню Жмуркина (я среди всех был самый молодой). И объявил нам безрадостную весть:

– Сегодня состоялся последний выпуск нашей газеты. Больше такой газеты – «Московский репортер» – не существует.

В кабинете Нехватова был накрыт прощальный, очень хлебосольный стол. С дорогущим вискарем, настоящим французским коньяком, кристалловской водочкой, черной и красной икрой, паштетами, жульенами, изумительной и явно недешевой рыбой холодного и горячего копчения, парной телятинкой, двумя жареными поросятами под хреном и прочими изысками и яствами. Завершал сервировку стола огромный торт, на котором разноцветным кремом не без юмора было выведено:

«МОСКОВСКОМУ РЕПОРТЕРУ – ПОЛНЫЙ КИРДЫК»

Таков был прощальный ужин, который дал нам напоследок Нехватов. Он как-то быстро напился, был очень шумным, пытался шутить, что у него всегда скверно получалось, а в этот раз особенно плохо. В конце застолья, когда уже ни есть ни пить и уж тем более шутить не хотелось, после «стопаря на посошок», он расцеловал нас всех и сказал, что для него было большой честью работать с нами, затем пустил

пьяную слезу и запел с надрывом:

*Черный во-ора-ан,
черный во-ора-ан,
что ты вье-еся надо мно-о-о-ой?
Ты дабы-ычи-и а не дажде-еся,
черный во-оран, а я не-е тво-ой...*

Меня долго преследовало ощущение тоски и безысходности, когда мы покинули редакторский кабинет, оставив в нем Геннадия Павловича одного. Ведь после окончания факультета журналистики газета «Московский репортер» была третьим изданием, из которого меня выперли. А если быть точнее, из которого мне пришлось уйти отнюдь не по собственной воле. На промозглом ветру теперь уже бывший корректор Полина Шлыкова с высшим филологическим образованием беззвучно заплакала, и слезы текли по ее щекам нескончаемыми ручейками. Тогда ей было пятьдесят два года. А вы наверняка знаете, каково это – устраиваться на работу в таком возрасте, когда большинство организаций при приеме на работу имеют возрастные дискриминационные ограничения для женщин в сорок – сорок пять лет.

Бывший теперь корреспондент Вова Чикин ринулся в кусты плевать, не столько от количества выпитого элитного коньяка и съеденного балыка, сколько от шока, вызванного столь скверной и печальной ситуацией, а бывший заместитель главного редактора и по совместительству бывший вер-

стальщик Витюня Жмуркин просто шел и тупо смотрел прямо перед собой, вряд ли что-либо замечая.

После этой встречи я никого не видел. Хотя нет, была как-то встреча с Витюней Жмуркиным. Мы столкнулись случайно год назад на Белорусском вокзале, где он кого-то провожал. А я занимался тогда вагонами с евро, стоящими на запасных путях. И все. Больше никого из этой четверки я не видел. И тут – на тебе: Нехватов собственной персоной... На мой взгляд, он мало изменился. Ни седых прядей в густых волосах, ни землистого цвета лица. Ровным счетом ничего такого, что могло бы указывать на «сбитого летчика». Правда, костюм на нем был слегка помят и не по последней моде, и вряд ли он надел бы таковой, будучи главным редактором, но времена меняются, а вместе с ними видоизменяются и привычки.

* * *

– Геннадий Павлович! Здравствуйте. Вот так встреча! – Я был натурально рад, и это каким-то образом положительно подействовало на Нехватова, вид которого был до этого хмур и несколько озабочен. Лицо его просветлело, и едва заметная улыбка появилась на приятном полноватом лице. Учитывая его предыдущее угнетенное состояние, мое появление доставило бывшему главному редактору «Московского репортера», похоже, некоторую радость. – Вы чего тут?

– Я тоже рад тебя видеть, – произнес Геннадий Павлович и, встав, пожал мне руку. – Да вот, автобус жду.

– А куда вы подевали свой «Фольксваген»? – спросил я, усаживаясь рядом. – В ремонте?

– Ага, – как-то быстро ответил Нехватов, глядя мимо меня. И я понял, что он говорит неправду. Только вот зачем?

– Ну как дела? – поинтересовался я, стараясь не замечать его померкшего взгляда.

– Дела? – Геннадий Павлович внимательно посмотрел на меня и задумался. Я прямо-таки нутром чувствовал, что он хочет мне поведать нечто важное, но не решается. Наконец он раздумчиво произнес: – Ты ведь все на телеканале «Авокадо»?

– Да, – ответил я.

– Одно время я следил за твоими успехами. – Нехватов уважительно посмотрел на меня. – Когда ты так ловко вскрыл махинации чиновников из департамента градостроительной политики Москвы по программе «Народный гараж» и исключительно грамотно провел журналистское расследование убийства актера Игоря Санина. А потом я погряз в своих проблемах и потерял тебя из виду... – Геннадий Павлович виновато посмотрел на меня: – Тебя, Старый, мне просто Бог послал. Была ведь у меня мысль к тебе за помощью обратиться, была! Да закрутился вот. И вдруг – ты! Тут невольно поверишь, что случайностей в жизни не бывает...

– Ну, случайности тоже закономерны, в этом я давно

убежден, – сказал я. – А за какой помощью вы хотели ко мне обратиться, Геннадий Павлович? – Я посмотрел на своего бывшего шефа и добавил: – Все, что в моих силах, я готов сделать...

– Знаю. – Нехватов как-то опасливо оглянулся по сторонам: – Дело только вот очень непростое. Вот тут, – он слегка хлопнул по своему доисторическому «дипломату», – собраны кое-какие бумаги по делу, которым я занимаюсь уже несколько лет и которое занимает все мое свободное время. Мне очень бы хотелось, чтобы ты ознакомился с этими бумагами. И высказал свое мнение...

– А что это за дело? – заинтересованно полюбопытствовал я.

– Долго рассказывать, – ответил Геннадий Павлович после некоторой паузы. – Ты как сегодня вечером свободен?

– Для вас я буду свободен, – успокоил я.

– Вот и хорошо, – произнес бывший главный редактор «Московского репортера» с некоторым облегчением. – Тогда давай часиков в семь у меня. Я все тебе расскажу и кое-что еще и покажу. Уверен, что это дело тебя заинтересует.

– Хорошо, договорились, – я немного замялся: – А адрес свой вы бы напомнить мне не могли?

– Да, извини, – спохватился Геннадий Павлович. И назвал свой адрес. После чего добавил: – Ладно, ступай. А то на работу опоздаешь.

– Не опоздаю, – улыбнулся я.

– Все равно иди. – Нехватов посмотрел на часы: – Скоро мой автобус... До вечера.

– До вечера, – ответил я и поднялся с лавочки. Не успел я сделать и двух шагов, как освободившееся после меня место возле Нехватова заняла какая-то шустрая старушенция в выцветшей косынке, синей кофте и сереньком платье в горошек. У нее в руках тоже был «дипломат», который она положила себе на колени. Надо же, какой нынче спрос на дешевые «дипломаты»!

Пройдя шагов пять я оглянулся. Геннадий Павлович дружески махнул мне и повернулся к старушке, которая что-то у него спросила. Он начал ей что-то отвечать, и старушенция стала кивать ему в ответ, как это обычно и делают старики, слушая собеседника и стараясь то ли запомнить, то ли понять, что он говорит. А потом старушка повернула ко мне лицо и бросила на меня взгляд с затаенной смешинкой, который показался мне знакомым. Я тотчас попытался вспомнить, где я мог видеть этот взгляд. Ничего путного в голову не приходило. А может, мне показалось, что я его где-то видел?

Подошел рейсовый автобус. Очевидно, не устраивающий Нехватова, поскольку он остался сидеть на лавочке. А вот старушенция бойко так поднялась с лавочки и вошла в автобус.

Я отвернулся, прошел несколько шагов, и тут что-то сильно толкнуло меня в спину, так, что я едва не упал. И одно-

временно услышал позади себя гром (так мне поначалу показалось). Через какую-то долю секунды я сообразил, что это был взрыв. Я оглянулся и увидел, что остановочный павильон заволокло дымом, в котором слышались стоны и крики.

Нехватов!

Я бросился к остановке. Дым над ней быстро рассеялся, и я увидел, что остановочный павильон завалился вбок, а пластикового навеса над ним как не бывало! И от лавочки остались только погнутые металлические кронштейны, торчащие из земли. Возле них лежал Геннадий Павлович. Вернее, то, что от него осталось. Рядом с изуродованным телом Нехватова, неловко вывернув за спину руку в крови, ничком лежала женщина. Похоже, что она была жива. В двух шагах от нее сидела на асфальте, вытянув ноги, еще одна женщина. Она все время беззвучно открывала и закрывала рот, как это делают, когда закладывает уши. На ней крови не было. Еще два человека, парень и девушка, сбитые взрывом на асфальт, тяжело поднимались на ноги, помогая друг другу.

Полиция приехала первой. Место взрыва было тотчас оцеплено, парня с девушкой, меня и еще одного мужика со ссадиной на лбу записали в свидетели. Парня с девушкой уже начал допрашивать следователь из приехавшей бригады. Остальные из оперативно-следственной группы рыскали вокруг остановки, собирая все то, что могло помочь в расследовании: осколки павильона, разбросанные вещи, фрагменты фугаса...

Нашли остатки «дипломата» Нехватова, почему-то сильно заинтересовавшие полицейских.

Минут через восемь приехала «Скорая помощь». Геннадия Павловича не трогали: с ним все было ясно. В ожидании труповозки его прикрыли какой-то темной тканью, похожей на брезент, а вот женщину с завернутой назад рукой, и ту, что все время беззвучно открывала рот, оказав им первую помощь, провели внутрь «Скорой» и увезли. Допрашивать их сейчас было, наверное, бесполезно...

Еще минут через пять одна за одной приехали еще две оперативные группы из органов: одна из Главного следственного управления Следственного комитета по городу Москве, а другая, как я понял, из антитеррористического комитета Федеральной службы безопасности. Группа из ФСБ состояла из двух невысоких мужчин лет тридцати с хвостиком с прямыми спинами, в хороших, почти одинаковых костюмах. Держались они весьма заносчиво, и если бы на них надеть треуголку с двумя загнутыми к тулье полями – ну вылитые Наполеоны в канун Ватерлоо.

Часом позже из их разговора, который почти полностью доносился до меня, мне стало понятно, что у них возникает не то спор, не то торговля между собой по поводу того, кому вести это дело. Почти так же, как это шаблонно показывается в американских детективах-боевиках, когда к следственной группе, что уже начала оперативно-следственные мероприятия, вдруг подъезжает черный блестящий автомо-

биль, из которого выходят двое представительных мужчин в одинаковых костюмах и черных очках. Важной и независимой походкой они подходят к старшему полицейской бригады, работающей на месте преступления.

– Мы забираем это дело, – сказал один из подъехавших.

– С какого это перепугу, хотелось бы мне знать? – Удивленно отвечал следователь Главного следственного управления.

– Это приказ генерала Устинова.

– Вашим генералам мы не подчиняемся. У нас *свои* генералы есть, – ответил он твердо, сведя брови к переносице.

– Ну так достаньте телефон, позвоните *своему* генералу и узнайте, – ответил подошедший с едва заметной усмешкой.

– Ничего не знаю. Приказа сверху передавать вам дело у меня не было. А вы что молчите? – обратился он к старшему оперативно-следственной группы.

– Мне нет особой разницы, кто из вас будет вести это дело. Забирайте вещдоки, пишите акт и сами допрашивайте свидетелей.

– Пусть к нам подойдет эксперт и принесет все, что осталось от «дипломата» и от того, что в нем находилось, – распорядился следователь Главного следственного управления, обращаясь к старшему оперативно-следственной группы.

– Вам что, неясно? Произошел террористический акт. Такие дела в нашей компетенции, – возразил представитель антитеррористического комитета Федеральной службы без-

опасности, обращаясь к следователю управления.

– С чего это вы взяли, что взрыв «дипломата» был террористическим актом?

– А иного мнения здесь и быть не может... Взрыв в месте скопления народа и непосредственно вблизи общественного транспорта мы классифицируем как террористический акт.

– Ну это вы так классифицируете... А вы не допускаете, что некто вез бомбу в «дипломате» и она самопроизвольно взорвалась?

– Мы не исключаем и такой вариант... А возможно, что человек, имевший с собой «дипломат», ждал автобус и хотел взорвать бомбу в нем. Если это так, то взрыв бомбы в общественном транспорте – это чистейшей воды террористический акт...

– Ну что, кому дела-то сдавать? – нетерпеливо прервал спор старший оперативно-следственной группы.

– Нам... – произнес представитель антитеррористического комитета.

– Да погодите вы...

– А чего ждать-то? У нас ведь тоже дел выше крыши, – несколько раздраженно ответил старший оперативно-следственной группы.

Подошел эксперт, в руках которого был пакет с остатками «дипломата» и того, что в нем находилось до взрыва.

– Ну а вы что можете сказать? Это похоже на теракт или нет? – обратился к нему следователь управления.

– Нет, не похоже, – отвечал он уверенно.

– Это почему же? Взрыв в общественном месте классифицируется...

– Да погодите, дайте ему сказать. Почему не похоже? Поясните, пожалуйста.

– Во-первых, бомба не была рассчитана на поражение как можно большего количества людей. Мы не нашли ни одной дробинки или резаного гвоздя. Ни одного поражающего элемента, – заговорил эксперт.

– Возможно, бомба была еще не начинена поражающими элементами. Ее не успели до конца изготовить, – произнес представитель антитеррористического комитета запальчиво, перебив эксперта. – И она произвольно взорвалась при транспортировке, убив самого изготовителя или курьера, ее перевозившего.

– Нет, – уверенно возразил эксперт. – Бомба была полностью готова к употреблению. И ее взрыв не был произвольным. Он был произведен дистанционно, на что указывают остатки радиоуправляемых детонаторов. Причем взорвали заряд после отъезда автобуса. Так что вероятность поражения пассажиров была минимальной. Что говорит против теракта.

– Это чистая случайность, – возразил представитель антитеррористического комитета.

– Никакая это не случайность. Кроме того, взрывом убит один человек. И ранено двое. Не тяжело... Вот их ранение

есть чистая случайность.

– Да им просто повезло!

– Ага, то у вас вмешивается случайность, – отреагировал следователь управления, – то везение. Это как-то непрофессионально, вы не находите?

– Никакого везения здесь нет, – вновь заговорил эксперт оперативно-следственной группы. – Бомба предназначалась для одного конкретного человека, который и был убит взрывом. Тот, кто подорвал бомбу, мог прикончить десяток людей, если не больше. Но убит лишь один. Где вы видите террористический акт?

– А более убедительные доказательства у вас есть?

– Да... Вот, посмотрите. – Эксперт поднял пакет и указал на куски поролона. – Это плотный поролон. Таким набиваются матрасы. Поролон был частью упаковки бомбы, что была размещена в «дипломате». Вы спросите, зачем в бомбе был поролон? Ответ напрашивается лишь один: чтобы смягчить взрыв. А террористам нужен взрыв сильный и эффектный, не так ли? Со всевозможной колющей и режущей начинкой, чтобы положить и изувечить как можно больше людей. Здесь же взрывное устройство было сработано таким образом, чтобы убить только того, кто был рядом с ним. Это продуманное и хорошо подготовленное убийство конкретного человека. В этом я на сто процентов уверен. Убийство не простое, согласен. Но – убийство...

– А непростые убийства – это компетенция Следственно-

го комитета, – заключил следователь, продолжая фразу эксперта.

Фээсбэшники, посоветовавшись, отозвались:

– Наш разговор не закончен...

– А я думаю, что уже закончен, – уверенно произнес следователь.

Сотрудники службы безопасности с большим достоинством и неизменно прямыми спинами усаживаются в свое черное авто и уезжают. Инцидент, кажется, исчерпан.

– Значит, дела вам сдавать? – спросил старший оперативно-следственной группы.

– Естественно, нам, – отозвался следователь управления.

Старший оперативно-следственной группы с некоторым облегчением произнес:

– Вот и славно.

Следователь управления, мельком глянув на тело под материей, похожей на брезент, спросил:

– А личность этого убитого установили?

– Пока не удалось. При нем не было никаких документов.

И тут в разговор встрял ваш покорный слуга.

– Я знаю этого человека, – сказал я...

Глава 2

Я – главный свидетель, или Бомба в «дипломате»

Мое заявление вызвало если не ажиотаж, то явно неподдельный профессиональный интерес к моей скромной особе. Особенно у следователя Главного следственного управления, который остро посмотрел на меня и произнес:

– Да? Подойдите, пожалуйста.

Я приблизился.

– Я так понимаю, вы свидетель того, что произошло?

– Да, – ответил я. – Так получилось.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил следователь.

– Пожалуйста: меня зовут Русаков Аристарх Африканыч, – сказал я вполне членораздельно.

– Как, простите? – все же вежливо переспросил следователь.

– Аристарх Африканыч, – повторил я. – Имя у меня необычное. Но вас, наверное, смущает мое отчество? – посмотрел я на следователя и, не дав ему что-либо ответить, добавил: – Оно производно от простого русского имени римского происхождения Африкан. Это имя есть в Святцах, если не верите, можете посмотреть. А именины у меня в марте, апреле, июне и ноябре.

Закончив это, я внимательно посмотрел на следователя, которого мой ответ несколько обескуражил.

– А у вас с собой имеется какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность? – спросил он.

– Конечно, имеется, – ответил я, не без гордости достал из кармана удостоверение сотрудника телекомпании «Авокадо» и показал его следователю.

– Так вы журналист? – Кажется, следователь не очень обрадовался такому обстоятельству.

– Именно так, – ответил я и вскинул голову. – А что, это может как-то помешать вам снимать с меня показания?

– Да нет, – с долей непонятного мне сарказма произнес следователь. – Итак, что вы видели?

– Простите, но вы нарушаете протокольную часть допроса, – заметил я и дружески улыбнулся.

– То есть? – с некоторым удивлением воззрился на меня следователь.

– Вы не представились и не назвали свою должность, – пояснил я. – Что положено делать в обязательном порядке.

– Вы, я вижу, подкованы, – заметил, в свою очередь, следователь, едва улыбнувшись. И добавил не без язвочки в голосе: – Очевидно, вас уже однажды допрашивали...

– И неоднократно! – бодрым тоном сказал я. – Так что – приступайте!

– Спасибо за разрешение, – беззлобно усмехнулся следак, чем мне уже немножко понравился. – Меня зовут Ермаков

Вячеслав Всеволодович. Следователь Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве. Капитан юстиции. Москвич. Женат. Двое детей...

– Ну про то, что вы москвич, про жену и детей, вы могли бы и опустить, – промолвил я.

– Итак: что вы видели? – пропустил мимо ушей последнюю мою фразу следователь Ермаков.

– Практически все, – ответил я.

– А именно? – приготовился слушать Вячеслав Всеволодович. – Давайте с самого начала.

– Хорошо, – согласился я. – Поскольку у меня нет автомобиля, то я хожу на работу пешком. Благо что от нашей телекомпании я живу совсем недалеко. Проходя мимо автобусной остановки, вот этой самой, – указал я на покореженный павильон, – я был окликнут. Повернувшись на голос, я увидел, что на остановочной лавочке сидит Нехватов Геннадий Павлович, мой бывший шеф, некогда главный редактор газеты «Московский репортер», закрытой в две тысячи восьмом году. В этой газете под руководством Геннадия Павловича я имел честь проработать с две тысячи шестого года по самый последний день ее существования...

– Как, вы говорите, звали вашего главного редактора? – воспользовавшись паузой, задал вопрос следователь Ермаков.

– Нехватов Геннадий Павлович, – повторил я.

– А за что закрыли газету «Московский репортер»? – спросил Вячеслав Всеволодович не без интереса.

– Из-за одной публикации, очень не понравившейся... одной персоне из первых лиц государства, – уклончиво ответил я, но этого следователю Главного следственного управления вполне хватило. Похоже, что он вообще был догадливый малый.

– Хорошо, – сказал он. – Продолжайте.

– Простите, а на чем мы остановились? – спросил я, поскольку потерял нить своего рассказа.

– Вы остановились на том, что вас окликнул с остановки ваш бывший шеф Нехватов, – подсказал Вячеслав Всеволодович.

– Ах да, – произнес я и благодарно посмотрел на следователя. – Спасибо. Так вот: я обернулся на оклик, узнал в окликнувшем меня человеке моего бывшего шефа Нехватова и подошел к нему. Мы поздоровались. Он был обрадован встречей, я тоже. Оказалось, что он дожидается автобуса, так как его машина в ремонте. Во всяком случае, так он мне сказал...

– Похоже, вы ему не очень-то и поверили, – пристально глядя на меня, произнес капитан юстиции.

– Вы правы, – честно сказал я.

– А почему? – продолжал пристально смотреть мне прямо в глаза Вячеслав Всеволодович.

– Знаете, он имел весьма... непрезентабельный вид, –

немного подумав, ответил я. – На нем был старый костюм, брюки были неглаженные, чего он раньше себе никогда не позволял, «дипломат» какой-то, надо полагать, еще брежневских времен... Словом, с достатком у него было худо. Если он вообще не бедствовал. Какой уж тут «Фольксваген». Ну и озабочен он чем-то был сильно...

– Хорошо, продолжайте, – отвел наконец от меня взгляд Вячеслав Всеволодович.

– Потом я поинтересовался, как идут его дела, – продолжил я. – Знаете, такая дежурная фраза...

Следователь Ермаков кивнул. А потом кивнул еще раз. Дескать, я слушаю тебя, слушаю...

Ну раз слушают...

– На мой вопрос Геннадий Павлович ответил не сразу, – произнес я, вспоминая реакцию Нехватова. – Он сначала задумался, а потом спросил: по-прежнему ли я работаю на телевидении. Я ответил: да. Он тогда сказал, что какое-то время следил за моими успехами, перечислил пару моих программ, что были построены на ведении журналистского расследования, а потом сказал, что это для него большая удача, что он встретил меня. Поскольку у него была мысль обратиться ко мне за помощью.

«За какой»? – спросил я.

Нехватов сказал, что дело, каким он сейчас занят, и занят уже давно, очень непростое. И что в его «дипломате» собраны кое-какие важные бумаги по этому делу. И еще он сказал,

что хочет, чтобы я с этими бумагами ознакомился. Я был заинтригован и спросил, что же это за дело. На что Геннадий Павлович ответил, что придется долго рассказывать, и лучше, если мы специально для этого встретимся и он обо всем мне расскажет. Уверил, что дело, которым он занимается, меня обязательно заинтересует. Встречу он назначил у себя на квартире на сегодня, в семь часов вечера, если я, конечно, не возражаю. Я не возражал и сказал, что для него у меня время, конечно, найдется... Потом мы распрощались до вечера, и я потопал на работу, а он остался сидеть на лавочке и дожидаться своего автобуса...

Я посмотрел на следователя Ермакова: может, последует какой-нибудь интересующий его вопрос, поскольку подошла очередь говорить о взрыве, а я не знал пока, как об этом говорить и что. И вопрос от капитана юстиции незамедлительно последовал...

– Вы сказали, что у Нехватова был портфель с бумагами... – медленно произнес Ермаков.

– Не портфель, – поправил я Вячеслава Всеволодовича. – «Дипломат». Допотопный такой. Из кожзаменителя.

– Ну да, – в задумчивости сказал капитан юстиции. – А еще вы сказали, что в этом «дипломате» у Нехватова были какие-то бумаги по делу, которым он занимался и к которому хотел привлечь вас.

– Именно так, – ответил я. И опять поправил следователя: – Только это не я сказал, что в «дипломате» были бумаги.

Это сказал Геннадий Павлович.

– Ну да, ну да, – пробормотал Вячеслав Всеволодович. – Только если в «дипломате» были бумаги, и это был «дипломат» Нехватова, то как этот «дипломат» вдруг взорвался? Ведь заряд, а в этом нет никакого сомнения, находился именно в «дипломате»...

Сказав это, следователь Ермаков очень внимательно посмотрел на меня. А ведь и правда, откуда в «дипломате» Геннадия Павловича вдруг оказалась бомба? Не сам же он себя подорвал? Тогда кто это сделал?

– Вы ничего странного на остановке не заметили, когда беседовали с Нехватовым? – спросил Вячеслав Всеволодович, прервав мои размышления.

– Все было как обычно, – ответил я. – Остановка как остановка. Стоят люди, ждут автобуса.

– А вы сидели или стояли, когда разговаривали с ним? – задал новый вопрос следователь.

– Сидел рядом с ним, – сказал я.

– А с другой стороны рядом с Нехватовым кто-нибудь сидел? – спросил Ермаков.

– Не помню, – произнес я.

– Надо вспомнить, Русаков, – сказал Вячеслав Всеволодович. – Попробуйте вспомнить поминутно, постарайтесь не пропустить ни одного эпизода. Может, с вами был кто-то третий?

Я наморщил лоб. Кажется, рядом с Геннадием Павлови-

чем никто, кроме меня, не сидел. Но это мое «кажется» следователя Ермакова не устроит. Вспоминай, Старый. Напрягись!

Мне пришлось снова прокрутить в голове всю цепочку событий, связанных с сегодняшней встречей моего бывшего главного редактора газеты «Московский репортер» Геннадия Павловича Нехватова. Вот я прошел остановку. Услышал, как меня окликнули. Обернувшись, увидел Геннадия Павловича, сидящего на лавочке. Он был один. Собственно, на такой небольшой лавочке могло разместиться только три человека нормальной комплекции. Толстых уместилось бы всего-то двое... Подошел к нему, поздоровался, присел рядышком. Мы стали разговаривать... Переговорив, мы распрощались до вечера. Что-то заставило меня обернуться, и я увидел, что мое место заняла какая-то старушка, причем весьма резво для ее почтенного возраста.

– Нет, – сказал я следователю Ермакову, вернувшись из воспоминаний. – Мы с Геннадием Павловичем сидели на лавочке вдвоем. Но когда я встал, мое место заняла старушка...

– Какая старушка? – быстро последовал вопрос.

– Обыкновенная, – пожал я плечами. – Но шустрая такая старушенция – в косынке, синей кофте и платье в горошек. Сереньком, кажется. Причем она была с «диплома»...

Стоп!

Меня продрал мороз, по спине побежали мурашки.

Старуха тоже была с «дипломатом», таким же допотопным, как и у Геннадия Павловича. И кажется, такого же цвета...

– Ну что вы остановились? – заторопил меня Вячеслав Всеволодович. – У старушки тоже был с собой «дипломат»?

– Да! – едва не вскричал я. – У нее с собой был «дипломат»! Такой же, как у Геннадия Павловича. Я еще подумал, мода, что ли, вернулась на такие допотопные и дешевые «дипломаты» из коричневого кожзаменителя. Она держала его у себя на коленях...

– Так! – было видно, как загорелся Вячеслав Всеволодович. – Что было дальше?

– После того как мы распрощались, условившись встретиться вечером, я пошел на работу и через несколько шагов оглянулся, – продолжил я. – Даже не знаю, что именно заставило меня это сделать, может, какое-то предчувствие... Геннадий Павлович дружески махнул мне, и тут эта старушка что-то спросила у него. И он повернулся к ней...

– А «дипломат»? – быстро спросил следователь Ермаков. – Где в это время был ее «дипломат»?

– Не помню... – промямлил я.

– Вспоминайте! – рявкнул Вячеслав Всеволодович, чего я от него, до этого казавшегося мне вежливым и даже тактичным, не ожидал. Хотя ситуация вполне оправдывала подобную его горячность.

Я снова нахмурил лоб и напряг память. Воспоминания за-

вертелись, как в кинохронике. Вот я делаю несколько шагов, удаляясь от остановочного павильона. Оглядываюсь. Геннадий Павлович машет мне рукой и пытается улыбнуться, но это у него получается скверно: что-то гложет его изнутри, накладывая отпечаток на мимику. Старушеница, что села на лавочку рядом с ним, задает ему какой-то вопрос. Геннадий Павлович переводит на нее взгляд и начинает ей отвечать. Старушка энергично кивает ему, бросает взгляд на меня, после чего я отворачиваюсь и делаю еще несколько шагов от остановки...

Надо же! Какая, однако, у нас глубокая память. Она фиксирует все, что с нами происходило, буквально покадрово. Надо только уметь извлечь нужный кадр, что не так уж и просто. Но это возможно.

А если и правда прокрутить память покадрово?

Первый кадр – старушеница задает вопрос. То есть поворачивается к Геннадию Павловичу. Причем проделывает это медленно, всем корпусом, как дозвоительно пожилым людям, поскольку энергично вращать шеей в преклонные годы – весьма затруднительное занятие. В следующее мгновение – второй кадр – она открывает рот. Губы у старушки не накрашены, слегка бледны, но отнюдь не дряблы. И вокруг рта нет никаких морщинок. Удивительное дело: если бы не возраст, а старушке, по самому скромному предположению, лет семьдесят с гаком, то такие губы могли бы принадлежать девушке или молодой женщине не старше двадцати пяти лет.

Третий кадр: Геннадий Павлович смотрит на старушку. Старушенция продолжает что-то говорить и все больше поворачивается к Геннадию Павловичу, при этом ее рука тянется к «дипломату». Нехватов начинает отвечать, глядя старухе в глаза, а она, в свою очередь, энергично кивает и убирает с колен «дипломат», после чего ставит его на землю между собой и Геннадием Павловичем. Рядом с его коричневым «дипломатом»...

Все так! Оба дипломата были одинаковых размеров и единого цвета. Их практически невозможно было отличить друг от друга. Произошедшие события беспристрастно фиксирует моя память, которая, казалось, не имеет ничего общего с безалаберным ненаблюдательным тележурналистом. Дальше я вижу, как подходит рейсовый автобус, и старушенция бойко садится в него. После чего я отворачиваюсь и убыстряю шаг...

— Когда старуха заговорила с Геннадием Павловичем, а он начал ей отвечать, то она сняла «дипломат» с колен и поставила его на землю рядом с «дипломатом» Нехватова. Оба «дипломата» были практически одинаковы по размеру и одного цвета, — выпалил я.

— Молодец! — произнес следователь уважительно.

Это его «молодец» прозвучало таким образом, словно я единственный из всего хора в пятьдесят мальчиков и девочек правильно спел ноты. Или доказал гипотезу Эрдеша с привлечением замкнутой кривой Жордана. Похвала следо-

вателя Ермакова была вполне заслуженная, он нравился мне все больше. Ощущение было таковым, что меня пригласили на дегустацию элитного вина за счет фирмы. А потом до меня дошло, почему Вячеслав Всеволодович задавал мне такие вопросы и почему назвал «молодцом».

– Так вы полагаете, что это та самая старуха взорвала Геннадия Павловича, поменяв его «дипломат» на свой, в котором и находился смертельный заряд? Сначала заговорила его, отвлекая внимание, а когда подошел автобус, она взяла «дипломат» Геннадия Павловича с бумагами с собой, а свой, с бомбой, оставила у его ног? И когда автобус отошел от остановки на достаточное расстояние, взорвала бомбу? – догадался я.

– Больше никому это сделать, – твердо произнес следователь Главного следственного управления.

– Более того, – продолжил я свою догадку, – старушке было нужно не только взорвать Геннадия Павловича, но и завладеть его бумагами. Иначе эта операция по замене «дипломатов» была бы совершенно ненужной. Значит, надо выяснить, что за бумаги были в «дипломате» Нехватова и для кого они представляли такой интерес или, скорее всего, опасность. Поскольку, помимо завладения бумагами, его еще и убили. Значит, для кого-то он тоже представлял опасность. И преступление это будет раскрыто только тогда, когда станет ясно, кому мешал Геннадий Павлович и кто именно хотел завладеть его документами. Да, – удрученно добавил я, –

мне нужно было его все же разговорить, чтобы он хотя бы намекнул, чем конкретно он занимается в последнее время. Я ведь на работу не очень-то и спешил...

— Ну, кабы знать, где упасть... — вроде как пожалел меня следователь Ермаков. — Но вы верно все рассудили: когда мы узнаем, кто был столь заинтересован в этих документах и кому так сильно мешал Нехватов, то появятся версия и подозреваемые. Надо обязательно узнать, что это было за дело, о котором говорил вам ваш бывший главный редактор.

Сказав это, Вячеслав Всеволодович вопросительно посмотрел на меня. И я ответил на его взгляд так:

— Но я же не знаю...

Немного помолчав, следователь Главного следственного управления Ермаков произнес:

— А сейчас, Аристарх Африканыч, напрягитесь еще раз и как можно более подробно опишите эту старушку.

Мне уже не потребовалось морщить лоб и напрягать свое подсознание, чтобы вытащить из глубин памяти запечатленные образы. Старушку я очень хорошо запомнил.

— На ней была выцветшая косынка, синяя кофта и платье. Серое, в белый горошек. На вид ей семьдесят лет, может, и побольше. Живая такая. Место, что освободилось на лавочке после меня, заняла буквально молниеносно... — начал говорить я.

— Рост, цвет глаз, мелочи, на которые вы, возможно, обратили внимание, — помог мне следователь.

– Рост... ну где-то метр шестьдесят два – шестьдесят четыре, – сказал я. – Глаза большие, серые, кажется. Да, серые. Под цвет платья. И еще, – тут я вспомнил про губы, – у нее возле губ нет этих... старушечьих морщин... Да и гусиных лапок у глаз не заметил.

– Маскарад, – коротко подчеркнул Вячеслав Всеволодович. – Ряженая была старушка.

– А это очень плохо? – поинтересовался я.

– Да, – снова коротко ответил следователь. – И приметы старухи, что вы сейчас назвали, мало чего стоят...

Следователь что-то черкнул в блокнот, который, несмотря на включенный диктофон, держал открытым, и задумался, потом спросил:

– А о самом Нехватове что вы можете сказать? Каким он был человеком? Какой имел характер, и вообще?

– Я Геннадия Павловича не видел шесть с половиной лет, – не сразу ответил я. – И когда увидел, то он мне показался немного подавленным. На нем как будто бы лежал груз, который ему было трудно нести и от которого он очень устал. – Я немного помолчал. – Может, это был и не его груз, а чужой. И он нес его за кого-то, что для меня будет неудивительно. Поскольку Геннадий Павлович был настоящим мужиком. Честным. Имел совесть и понятие о долге и чести. Ратовал в свое время за газету и своих подчиненных, опекал нас, заступался за нас, если возникала такая нужда. Характер, может, имел и непростой, но всегда горой стоял за

справедливость. В общем, славный был мужик, стоящий, – закончил я портрет хорошего человека, которого не стало.

– Ясно, – резюмировал Вячеслав Всеволодович. – Что ж, спасибо, – следователь посмотрел мне в глаза.

– Пожалуйста, – ответил я. – А где это, ваше коронное. «Вы нам очень помогли»? Все следователи так говорят.

– Не все, – ответил Вячеслав Всеволодович с легкой улыбкой. – Разве что только в телесериалах.

– Так я про сериалы и говорю, – сказал я.

– Ну тогда: спасибо, вы нам очень помогли, – повторился следователь Главного следственного управления. – Я записал ваши показания на диктофон. Несколько позже мы вас вызовем, и вы их подпишете уже изложенными на бумаге. И еще, – капитан юстиции черкнул что-то в своей записной книжке, вырвал листок и протянул мне, – вот вам мой телефон. Если еще что вспомните – непременно звоните.

– Хорошо, – взял я вырванный листочек и положил его в карман. – Значит, я свободен и могу идти?

– Да, вы свободны и можете идти, – ответил Вячеслав Всеволодович. – А то вы и так, наверное, на работу сильно опоздали. Может, вам нужна от нас справка для вашего начальства, что опоздали вы по уважительной причине, поскольку исполняли гражданский долг: давали свидетельские показания по делу об убийстве? – спросил капитан юстиции Ермаков. – Тогда подождите пару минут, и у вас будет такая справка.

– Нет, этого не нужно, – улыбнулся я. – Мне начальство доверяет.

– Тогда – до встречи, – сказал Вячеслав Всеволодович и протянул мне ладонь.

– До встречи, – ответил я.

После чего пожал следователю руку и потопал на работу, погруженный в мысли.

А подумать было над чем...

Глава 3

Я начинаю новое расследование, или Что мне рассказали

Когда я пришел в телекомпанию, то поначалу в голове у меня был сплошной вакуум: никаких мыслей относительно того, что случилось на автобусной остановке. Потом на ум пришла поговорка, что аппетит появляется во время еды. Может, и с мыслями так же? Просто надо расшевелить эту пустоту, поговорить с кем-то о том, что произошло, вот тогда нужные мысли и появятся?

Ноги сами принесли меня к кабинету шефа. Впрочем, ему-то как раз и нужно рассказать про взрыв на автобусной остановке, как руководителю предприятия, в котором я работаю. Ну и вообще... Мужик он грамотный, может, посоветует что-нибудь толковое, от чего можно будет оттолкнуться и что может привести движение моих мыслей в нужном направлении.

Я постучал в дверь кабинета.

– Войдите, – раздалось из-за двери не сразу. Возможно, шеф был чем-то занят и ему было нужно какое-то время, чтобы освободиться от дел или отвлечься. Так или иначе, но, получив разрешение, я открыл дверь кабинета и вошел.

– Добрый день, Гаврила Спиридонович, – поздоровался я.

– Добрый, – ответил шеф. – Что у тебя?

– Кажется, новое дело, – сказал я. – Но я не знаю пока, как к нему подступиться.

– Щас, – шеф покопался в стопке бумаг, прочитал бегло одну из них, черкнул что-то в лежащем на столе открытом блокноте, закрыл доисторическую папку с белыми тесемками, завязал их в узел с петелькой и поднял на меня ясный взор: – Рассказывай, – произнес он и немного поерзал в кресле, то ли устраиваясь поудобнее, чтобы слушать и вникать, то ли проявляя нетерпение. Ведь яркого журналистского расследования, о котором бы говорила часть города, принадлежащая к нашему зрителю, не было с того самого момента, когда само собой рассосалось дело об «Измайловском маньяке», которое я вел еще в январе этого года.

– Значит, так, шеф, – начал я. – Сегодня по дороге в нашу телекомпанию меня окликнул бывший главный редактор газеты «Московский репортер» Геннадий Павлович Нехватов. Я до того, как вы взяли меня в вашу телекомпанию, работал в этой газете два года. Я вам об этом рассказывал, если вы помните.

– Помню, – сказал шеф. – Продолжай.

– Мы не виделись с ним шесть с половиной лет, – продолжил я. – Я не знал, чем в это время занимался Нехватов, как жил, с кем дружил, но, судя по всему, в роскоши он не купался, а возможно, что даже и нуждался. Похоже, он продал даже свой «Фольксваген», поскольку сидел на лавочке на

остановке и ждал автобус. Мы разговорились. Вид он имел озабоченный и при себе у него был старенький «дипломат» с какими-то бумагами – документами по делу, которым он занимался, по его словам, уже несколько лет. Похоже, что это дело и подкосило его в материальном плане плюс съедало все его время. Скорее всего, то, чем он занимался, стало делом всей его жизни...

– Да что за дело-то? – уже заинтересованно спросил шеф.

– А вот этого я как раз и не знаю, – развел я руками. – Немного поговорив, мы с ним условились встретиться сегодня в семь вечера у него на квартире. Он сказал, что расскажет мне все с самого начала. После этого я пошел на работу, а Нехватов стал дожидаться своего автобуса. И когда я отошел от остановки, последовал взрыв, который убил Нехватова.

– Взрыв? – недоверчиво посмотрел на меня шеф.

– Точно так, – сказал я. – Самый настоящий. Меня так толкнуло в спину взрывной волной, что я едва не упал. Одну женщину ранило, а другую, похоже, контузило. У павильона снесло крышу.

– Откуда взрыв-то?

– Это взорвалась бомба, которая была в «дипломате» Нехватова.

– Ты же сказал, что там были какие-то бумаги? – недоуменно посмотрел на меня шеф.

– Правильно, сказал, – подтвердил я. – Так оно и было... Это полицейские поначалу решили так, что взорвался «ди-

пломат» Нехватова. А потом оказалось, что «дипломат» Геннадия Павловичу подменили. Его «дипломат» с бумагами забрали, а «дипломат» со смертельным зарядом подсунули. Причем заряд смертельным был только для него...

– То есть убить хотели именно Нехватова? – спросил шеф и добавил: – Я тебя правильно понял?

– Так точно, – ответил я. – Геннадий Павлович кому-то очень сильно мешал. И документы, что были у него в «дипломате», для кого-то были очень опасны. Вот кто-то одним махом и документы у него изъял, и самого его убил, – твердо и без тени сомнения добавил я.

– Да, история очень занимательная, – раздумчиво протянул шеф. – А кто такие эти «кто-то»? – спросил он, снова взглянув на меня. – У тебя есть какие-нибудь зацепки?

Я честно ответил:

– Никаких.

– А кто подменил твоему бывшему шефу «дипломат» – известно? – задал шеф новый вопрос.

– А вот тут я являюсь главным свидетелем, – не без гордости сообщил я. – Поскольку видел некую старушку, которая, может, никакая и не старушка, а только под нее маскирующаяся гражданка, у которой в руках был точно такой же «дипломат», как у Нехватова. И когда она присела с ним рядом, а я это видел собственными глазами, то заговорила его, отвлекла его внимание и незаметно подменила «дипломат». А потом села с «дипломатом» Геннадия Павловича на авто-

бус, и когда он отъехал, то нажала кнопку радиоуправляемого устройства и взорвала оставленный «дипломат», начиненный взрывчаткой. Теперь мне уже не узнать, что мне хотел рассказать Геннадий Павлович и какие бумаги находились в его «дипломате».

– И что теперь? Ты собираешься вести расследование? – заинтересованно спросил шеф.

– А вы на это даете «добро»? – поинтересовался я.

– А оно тебе нужно? – пытливым взглядом посмотрел на меня шеф.

Вопрос был поставлен правильно, поскольку разрешение на журналистское расследование мне нужно было чисто формально. Ибо расследованием убийства Геннадия Павловича Нехватова я бы занялся все равно.

Поэтому я ответил весьма уклончиво:

– Будет лучше, если вы дадите свое «добро» на расследование этого убийства. Ведь взрыв практически произошел на моих глазах. Я был последним, если не считать этой закамouflированной старушенции, кто с ним разговаривал. Именно мне Нехватов сообщил, что занимается вот уже несколько лет каким-то серьезным делом, ставшим в его жизни очень важным... Кроме того, Геннадий Павлович был моим коллегой и товарищем. Мы вместе проработали два года. А еще он был просто хорошим человеком...

– Я тебя понял, Старый, – произнес шеф и согласно кивнул: – В общем, я возражений не имею.

– Спасибо, шеф, – просто сказал я.

– С чего думаешь начать? – спросил он заинтересованно.

Это был самый больной вопрос. Но в ходе разговора с шефом в моей голове стал складываться простенький план. На что я и рассчитывал, затеявая весь этот разговор.

– Надо узнать, что это было за дело, которому Нехватов отдал последние несколько лет жизни... – озвучил я первую часть своего плана. Потом добавил: – Еще надо будет постараться узнать, для кого он и его бумаги представляли опасность. Нужно будет расспросить всех его знакомых, соседей. Может, кто и знает, чем он занимался последнее время...

– Хорошо, действуй, начало верное, – сказал шеф. – А эту твою новую программу мы назовем... – шеф немного подумал (а название циклов передач было сугубо его прерогативой) и выдал: – «Взрыв на автобусной остановке». Подходит? – Он вопросительно посмотрел на меня.

– В самую точку, – ответил я. – Просто и в то же время интригующе.

– Вот и славно, – констатировал шеф. – Степа в твоём распоряжении. Ступай, работай! Жду результатов.

Я кивнул, встал с кресла и вышел из кабинета.

С чего начинать – я уже представлял...

* * *

Мне потребовалось немало усилий, чтобы отыскать вырванный из блокнота листочек с номером телефона Витю-

ни Жмуркина, что он записал мне с год назад, когда мы повстречались с ним на Белорусском вокзале. Я тогда прикидывался бомжем, ведя журналистское расследование сразу по нескольким темам, а именно: откуда у бомжей пачки евро и кто мочит этих бомжей. Громкое дело было, надо сказать. Представляете, в тупике на железнодорожных путях Белорусского вокзала стоят четыре товарных вагона, заполненных палетами, на которых в качестве груза размещены неподъемные кубы с пачками евро. Чьи это деньги, как они оказались на путях, для каких целей предназначены? Впрочем, для чего они были предназначены, вскоре мне стало более-менее ясно: скорее всего, планировался государственный переворот или серьезная заварушка. Ну что-то наподобие того, что произошло на Украине. И, надо сказать, такого переворота не состоялось благодаря моему участию, а «бесхозные» евро ушли по выбранному мной назначению: они были растасканы бомжами, вокзальными нищими, попрошайками и служащими вокзала из числа простых работяг. Пятой колонне досталась только дырка от бублика, за что они меня едва не замочили. Но человек в песочном пуловере от Кельвина Кляйна решил оставить меня в живых, чтобы я мог воочию убедиться, что все мои потуги в восстановлении справедливости тщетны на фоне растущего беспредела.

Так вот... Год назад я внедрился в ряды бомжей Белорусского вокзала с целью сбора материала, необходимого мне в моем расследовании. Как и все остальные граждане без

определенного места жительства, входившие в определенные группы со старшим во главе, я должен был приносить в общую кассу оговоренную сумму. Это значило, что я должен был работать: собирать банки и бутылки с последующей их сдачей, подворовывать, выпрашивать «на хлебушек» и так далее. Я выбрал работу собирательную. То есть выискивал бутылки и пивные банки, примерно так, как собирают грибы в лесу. Только вместо леса была территория вокзала, а вместо деревьев – люди. Впрочем, через час-другой я переставал замечать прохожих, как и они меня. У них был свой мир, у меня, вросшего в образ бомжа, – свой. И эти сферы никогда не соприкасались, разве что только во времени. Для всех остальных людей я был ничто. Не более чем мокрица. И относились они ко мне как к членистоногому. То есть я, конечно, существую, но лучше бы подальше от места их существования...

Я был сосредоточен в себе. И на деле, которым был занят. Если я находил где-либо бутылку, то выливал остатки содержимого и мягко, без звука клал бутылку в сумку. Если находил алюминиевую пивную банку, я сплющивал ее и тоже отправлял в сумку. Я как будто бы существовал вне пространства. И когда меня окликнули: «Старый, это ты»? – вернуться в это пространство мне стоило больших трудов...

Я поднял голову и увидел Витю Жмуркина, заместителя главного редактора «Московского репортера».

– Да, это я, – сказал я негромко. – Здравствуй, Витюня.

– Точно, это ты! – Витюня Жмуркин был явно рад меня видеть. И в то же время выглядел несказанно раздосадованным. – А что ты здесь делаешь? – Он придирчиво оглядел меня с ног до головы и удивленно спросил: – У тебя ж все хорошо устроилось? Ты ж вроде на телевидении служил? – И добавил, что я был успешным репортером, делал классные программы, которые он с удовольствием смотрел. После чего стал их перечислять: – «Последнее желание», «Кто убил Санина», «Можно ли победить зло». – А затем спросил: – Что такое произошло с тобой, что ты стал бутылки на вокзале собирать?

Витюня говорил очень громко, что для меня было опасно и чревато разоблачением.

– Тише, я работаю, тише... – шипел на него я, но он продолжал громко удивляться. – Да заткнешься ты наконец, – уже резко сказал я, сунув ему кулаком под ребра. – Я работаю, понимаешь? Ра-бо-та-ю...

– Работаешь? – удивленно произнес Витюня.

– Да. Что, не видишь разве? – перевел я взгляд на свою добычу в виде бутылок и сплюснутых банок.

– Так это у тебя зада-а-ание! – догадался наконец бывший зам главного редактора. – Типа, работаешь «под прикрытием»... А ты молодчик! На самое дно проник!

– Да, работаю. Только меня никто не «прикрывает»... – ответил я раздраженно.

– Здорово! – опять громко воскликнул Витюня, что заста-

вило меня скрипнуть зубами и поежиться, будто от холода.

– Тише, прошу тебя, тише, – стал я уже злиться на Жмуркина. – За мной могут наблюдать.

– Да? Кто? – стал Витюня вертеть головой по сторонам. – Да тут нет никого!

– Да не верти башкой, – снова зашипел я на Жмуркина. – Дай-ка мне лучше немного денег...

Витюня достал бумажник и раскрыл его:

– А сколько тебе дать?

– Дай сколько можешь, – пробурчал я.

Витюня пошарил в бумажнике, вынул пятисотенную купюру и охотно протянул мне:

– Столько хватит?

– Хватит, хватит, – сказал я и быстро сунул купюру в карман. – Когда все закончится, я тебе их отдам... Дай мне твой телефон.

– Так давай я тебе позвоню, и у тебя будет мой номер телефона, – предложил Витюня.

– Витюня, – посмотрел я на Жмуркина как на малое дитя, – у меня нет сотового и быть не может, ведь я бомж.

– Ах да... – сморгнул виновато Витюня Жмуркин и произнес: – Погоди, я сейчас.

Вот тогда-то он и написал в своем блокноте свой номер телефона, вырвал листок и передал его мне...

На мой вызов никто не ответил.

Я набрал номер Жмуркина еще раз. После чего через некоторое время послышалось нетерпеливое:

– Да!

– Ты почему телефон-то не берешь? – строго спросил я. – Спишь, что ли?

– Занят был, – последовал недоуменный ответ. – А это кто?

– Эх, Витюня, – я придал голосу максимальную разочарованность. – Это Аристарх Русаков.

– Старый! Как я рад тебя слышать! – Голос Пети Жмуркина был неподдельно радостный. – Сколько лет!

– Не так уж и много, – сказал я. – Как дела, Витюня? Ты все копирайтерствуешь?

– Ну да, – ответил Жмуркин.

– То есть сидишь дома? – констатировал я.

– Скорее лежу, – хохотнул Витюня. – Ноутбук тоже лежит. На животе. Так и набираю статьи.

– И как по деньгам? – поинтересовался я.

– Да когда как, – ответил Жмуркин. – Если вовремя схвачу хорошие заказы, то хорошо. Есть несколько вэемов, с которыми я работаю по персональным заказам. В общем, работы хватает.

- Значит, своим звонком я тебя отвлек от работы? – немного разочарованно произнес я.
- Теперь уже неважно, – ответил Витюня. – Есть пара заказов, но они не очень срочные.
- Это хорошо, – резюмировал я. – Тогда, я полагаю, тебя можно еще сильнее отвлечь?
- Да, можно, – сказал Жмуркин. – Встретиться хочешь?
- Именно, – ответил я. – А ты помнишь, Витюня, что я тебе пять сотен рубликов должен?
- Забыл, – не сразу ответил Жмуркин. – Неужели такое было?
- Было, не сомневайся.
- Значит, в то время я был богатый.
- Вот, хочу тебе их отдать, – заявил я. – И вообще имеется разговор.
- Ну тогда приезжай ко мне, – отозвался Витюня. – Я теперь из дома редко выхожу. Вот разве что продукты купить да за квартиру заплатить. В общем, только по необходимости.
- Напомни мне свой адрес, пожалуйста, – попросил я. Жмуркин назвал улицу, дом и квартиру.
- Все, выезжаю, – сказал я и отключил связь.

* * *

Когда я входил в холостяцкую квартиру Жмуркина, то на

меня повеяло каким-то особым мужским уютом и налаженностью быта. Когда все выверено до мелочей, ничего лишнего, каждая вещь находится на своем месте и несет конкретную функцию.

Надо сказать, что Витюня Жмуркин никогда не был женат. Не потому, что он был каким-то уродливым малым или ярым женоненавистником, он как раз был довольно симпатичным и обаятельным парнем. Причина в ином: к женщинам он относился спокойно. То есть, если у него заводилась девушка, ему было с ней хорошо, когда же она уходила, не дождавшись от него предложения руки и сердца, особенно не горевал. Он ни о чем никогда не жалел, никому не завидовал, не сокрушался и поживал довольно спокойно без всяких встрясок и волнений. Возможно, что кто-то иной назвал бы такую жизнь унылой и неинтересной, но самому Витюне такое существование было по душе.

Мы тепло пожали друг другу руки, и я, чтобы не забыть, протянул ему сразу пятисотенную купюру.

– Вот мой должок, – сказал я. – Спасибо... Ты меня очень выручил тогда, на вокзале.

– Да не за что, – ответил Витюня, очевидно, так и не вспомнив вокзальную «эпопею». – Проходи.

Я прошел в комнату и осмотрелся. Все на своих местах, ничего лишнего, много света и воздуха. Главный предмет и основное украшение комнаты – кожаный диван. На широкой спинке дивана – чашка с недопитым кофе.

Около дивана кресло. На кресле лежит ноутбук. Диван и кресло – рабочее место Вити. На диване он работает, ест, отдыхает. Проснулся – и уже на рабочем месте. Ни транспорта тебе, ни толкучки в метро в часы пик и, как следствие, – никаких транспортных расходов...

– Вот так и живу, – просто проговорил Витюня Жмуркин, заметив, что я разглядываю его жилище.

– А что, мне нравится, – отвечаю я.

Минут десять мы с Витюней говорим о том, о чем могут говорить люди, давно не видевшиеся: то есть ни о чем и обо всем одновременно, а потом я задаю ему мучивший меня вопрос:

– Ты давно не видел Геннадия Павловича?

– Давно, – немного подумав, отвечает Жмуркин.

– А как давно? – спрашиваю я.

– Щас вспомню, – Витюня уходит в себя, отчего-то ерошит волосы, которые у него уже редеют, потом говорит: – После того как он с нами попрощался, я виделся с ним дважды. Первый раз – месяца через два после закрытия нашего «Московского репортера». Он сказал, что продолжает бороться за газету, и если ему удастся ее как-то воскресить, то он непременно позвонит всем нам. То есть мне, тебе, корректору Полине Шлыковой и Вове Чикину. Всем, кто оставался с ним до последнего момента существования «Репортера». Но, как видишь, он не позвонил. А второй раз, – Жмуркин морщит лоб, вспоминая, – я с ним встретился в метро. Это

было пару лет назад. Нет, вру, мы с ним виделись три года назад, в две тысячи двенадцатом. Он спросил меня, чем я занимаюсь. Я сказал, что официально нигде не работаю и пишу статьи для Интернета. Когда же я спросил его, чем он занят и где работает, то он ответил, что заделался независимым журналистом и пытается помочь своему другу, которого невинно осудили и посадили в тюрьму за не совершенное им преступление. Мы еще немного поговорили, и он вышел. А я поехал дальше...

– А кто этот его друг, за что его посадили? – спросил я.

– Геннадий Павлович не назвал его и за что посадили тоже не сказал, – пожал плечами Жмуркин. – Сказал только, что это был его лучший друг, они знакомы с детства, вместе росли, вместе учились и вместе воевали в первую чеченскую войну...

– Спасибо, Витюня, – произнес я, задумавшись. Может, помощь этому другу и была делом последних лет жизни Геннадия Павловича Нехватова, о котором он и хотел со мной поговорить? Вполне возможно. Это на него очень похоже. Вот только информации пока крайне мало...

– Скажи, Вить, как ты думаешь, из наших кто-нибудь может знать, чем занимался Геннадий Павлович в последние годы? Может, Нехватов виделся с Вовой Чикиным или Полиной и рассказал им что-то конкретное о своих делах?

Я задал вопросы, не очень-то ожидая, что Витюня на них ответит. Так оно и вышло...

– Не знаю, – посмотрел на меня Жмуркин. – Шлыкову я вообще с тех пор ни разу не видел, а с Чикиным мы иногда созваниваемся, раз в полгода. Поговорим минуту-другую, и все.

– А я их обоих потерял.

– Ну захотел бы – не потерял, – резонно заметил мне Жмуркин и отвел взгляд.

– Это верно, – промолвил я. И мне стало стыдно. Ну почему так случается: работаешь с человеком вместе, рад всегда его видеть; приятельствуешь, дружишь даже, делишься наболевшим, пьешь с ним водку и пиво, а когда жизнь тебя с этим человеком вдруг разводит, ты о нем как-то очень быстро забываешь, тем самым натурально вычеркивая из жизни. Получается как-то потребительски, что ли: был человек рядом – был нужен. Не стало этого человека рядом – ну и хрен с ним!

– Да ладно, чего загрустил, – Витюня сказал это так, словно собирался погладить меня по голове и тем самым успокоить, как неразумное дитя. – Всем нам было нужно как-то налаживать жизнь, когда «Московский репортер» закрыли. У всех у нас были свои заботы, да и времени катастрофически не хватало ни на себя, ни на семью. А тут коллеги, да еще и бывшие. Не до них уже... Жизнь как-то вперед идет.

– Так-то оно так, – согласился я. – Но все равно как-то это... неправильно, что ли. Несправедливо...

– Ну это не единственная несправедливость в жизни, –

философски изрек Витюня Жмуркин. – И отнюдь не самая жестокая...

Мы не стали с Витей выпивать, вспоминая наши денечки в «Московском репортере» и какие-то смешные случаи и ситуации, которые с нами случались едва ли не ежедневно, когда мы вместе работали в этой газете. Не стали вести разговоры «за жизнь», столь приятные для застольной беседы и ни к чему не обязывающие. Ведь и у Виктора, и у меня были дела, не совместимые с выпивкой и бесполезной тратой времени. Вите надо было иметь трезвую голову, чтобы писать статьи, а мне – чтобы составить хоть какое-то представление о деле, за которое я взялся. А то, что дело будет непростое, я уже сообразил. Однако простых дел у меня, собственно, никогда и не было.

Разве незапутанным и архисложным было дело об убийстве популярного актера Игоря Санина? А дело о массовых отравлениях простых жителей Измайлово посредством молочного отдела одного из самых популярных в Измайловском районе продуктовых магазинов? Да и последнее дело, которое я расследовал, – о семейной чете владельцев измайловского кафе «Берлога» Бориса и Клементины Шацких, ма-ньяках-извращенцах – разве оно было простым? Но убийство Геннадия Павловича Нехватова несколько выбивалось из этого ряда.

Во-первых, он был моим коллегой, уважаемым и весьма достойным человеком.

Во-вторых, он сам собирался рассказать мне о деле, которым занимался несколько лет кряду, и даже хотел посоветоваться со мной, как с телерепортером, ведущим журналистские расследования. Очевидно, дело это касалось его друга, с которым он вместе рос, учился и служил в армии.

В-третьих, я чувствовал себя обязанным Геннадию Павловичу. Он меня многому научил, ценил как профессионала, а я о нем попросту позабыл. Скверно как-то получается. И никакие отговорки на нехватку времени, массу забот, семейные обстоятельства и прочие неразумные причины не могут служить мне оправданием.

А в-четвертых, мне не давали покоя молодые губы старушки, подсевшей к Нехватову и поменявшей его «дипломат». А еще ее взгляд, который она бросила в мою сторону. Странное дело, но ее глаза показались мне знакомыми...

У меня не было никаких сомнений в том, что это была ряженая старушенция.

Мы с Витей еще некоторое время поболтали, после чего наступила вполне объяснимая пауза: говорить особо было не о чем. Пора было и честь знать, то есть прощаться и подаваться восвояси.

Я попросил у Жмуркина телефон Вовы Чикина. Он мне его охотно назвал. Мы обменялись еще парой дежурных фраз, после чего я сказал Вите, что мне пора идти.

– Будешь звонить Чикину, передай ему от меня большой привет, – сказал Витюня.

– Обязательно, – пообещал я. – Ну бывай.

– Бывай, – ответил Витюня. – Рад был тебя повидать.

– И я, – сказал я.

– Не пропадай.

Мы попрощались, пожав друг другу руки, и я ушел, чтобы больше никогда не увидаться?

* * *

– Привет, Вова, – сказал я, когда на том конце провода соизволили взять трубку.

– Привет, – равнодушно ответил Вова Чикин и замолчал. Он всегда был предупредителен и несказанно тактичен. Именно эти качества его характера не позволяли ему спросить: «Кто это?» Ведь тем самым он невольно мог обидеть собеседника. Так он думал...

– Это некто Аристарх Русаков, – выручил я Чикина. – Помнишь такого засранца?

Некоторое время трубка молчала. А потом буквально взорвалась не очень связными восклицаниями и возгласами:

– Старый! Ты? Этого просто не может быть!

– Я, Вовчик.

– Это точно ты? Голос, кажись, твой... Откуда? Вот это да-а... Вот это подарок! Как ты? Где? Откуда звонишь?

– Я здесь и никуда не уезжал.

– А помнишь, как мы вместе с Геннадием Павловичем,

Витюней Жмуркиным и Полиной воевали за правду? И вообще...

– Помню. Вова.

– Конечно, помнишь. Нет, ты молодец. Взял – да и позвонил... Вот ведь, а? Ну ты даешь, Старый. Ты просто не представляешь, как я рад!

– Я тоже рад.

– Я больше рад, – засмеялся Вова. – Откуда у тебя мой номер?

– Мне твой телефон Витюня Жмуркин дал, – признался я.

– Да? – неизвестно чему обрадовался Вова. (Неужели простому факту, что Витюня Жмуркин дал его номер телефона мне?) – Как он?

– Благополучно, – ответил я. И добавил: – Просил передавать тебе большой привет.

– Спасибо, – еще больше обрадовался Вова. – Нет, вы все же, ребята, молодцы. Созваниваетесь. Встречаетесь вот. А я... Погряз в каких-то своих бытовых проблемах как... не знаю кто... Ни с кем из вас не вижусь. Не звоню никому. Ты вот захотел – и узнал мой номер. А я вот не узнал. Получается, что не захотел...

Эх, Вова. Еще пару часов назад я так же думал про себя. Оказывается, забывать своих бывших товарищей, которые не рядом, – довольно распространенная болезнь. К большому сожалению.

– Я чего звоню-то, – решил я перейти к главному. – Ты,

случайно, не поддерживал связь с Геннадием Павловичем?

– Виделись пару раз, – не сразу ответил Чикин.

– Когда? – быстро спросил я.

– Давно, – ответил мой бывший сослуживец. – Года три назад.

– О чем разговаривали?

– Да я уж и не помню, – нерешительно ответил Вова.

– Нехватов не говорил тебе, случайно, чем он занимается, где работает? – спросил я.

– Нет, – сказал Вова. – Он все больше обо мне расспрашивал. А о себе только сказал, что пока нигде не работает.

– Ясно, – произнес я. Чикин о деле Нехватова ничего не знает. Может, в курсе Полина Шлыкова?

– А Полину ты давно видел? – спросил я.

– Шлыкову? – переспросил Вова.

– Да.

– Виделись недавно. Мы ведь с ней недалеко друг от друга живем. Вот иногда и пересекаемся. То в метро встретимся, а то в продовольственном магазине.

– А телефон у тебя есть ее? – с надеждой спросил я.

– Конечно, есть, – ответил Чикин. – И у нее мой тоже есть. Но мы друг другу не звоним...

– Ну раз вы время от времени встречаетесь, что звонить-то, – резонно произнес я.

– Ну да, возможно, – пробурчал Вова, отыскивая, очевидно, номер Полины Шлыковой. – Ага, вот, нашел. Записывай.

Я записал номер телефона Полины Шлыковой. Мы с Вовой тепло распрощались, пообещав звонить друг другу. А почему нет?

* * *

Полина Владимировна Шлыкова уже три года как пребывала на пенсии по старости. В это было трудно поверить, поскольку в редакции «Московского репортера» ее все звали просто Полина. И только деликатный Вова Чикин называл ее (и то не всегда) Полиной Владимировной. Правда, она продолжала трудовую деятельность: работала корректором в одной газете и покуда не собиралась уходить, поскольку помогала дочке, у которой с работой все время не ладилось. То она работала в какой-то фирме, изготавливающей на заказ мебель, то, разругавшись с начальством, уходила и устраивалась на завод, где по прошествии нескольких месяцев повторялось то же самое. Потом дочь устроилась администратором в салоне красоты, где ей положили хороший оклад, но чисто бабская компания с вечными интригами, косыми взглядами и перешептываниями ее опять не устраивала, и дело вновь заканчивалось увольнением по собственному желанию. Все эти метания приводили к тому, что с деньгами у дочери Полины Владимировны всегда была напряженка, и она то и дело приходила к маме, которая в силу материнских чувств выворачивала все карманы и отдавала своему нена-

глядному чаду все, что у нее на данный момент имелось.

Так повторялось из месяца в месяц, так что бросать службу корректором Полине Владимировне было не с руки. Да и нравилась ей работа: исправлять журналистские ошибки и опечатки и правильно расставлять запятые...

Когда я набрал номер ее телефона, ничего этого я еще не знал. Как Витюня Жмуркин и Вова Чикин, трубку она взяла не сразу, ведь номер-то высвечивался совершенно незнакомый. А здесь стоит подумать – а следует ли отвечать.

Наконец я услышал:

– Да.

Голос у нее был усталым и немного грустным. Я вспомнил, что всегда называл эту милую женщину Полиной, но обращаться к ней таким образом по прошествии шести лет посчитал неправильным. Придав голосу официальный тон, произнес:

– Полина Владимировна Шлыкова?

– Да, – уже с нотками удивления и тревоги ответила она.

– Вас беспокоят с телеканала «Авокадо», – начал я изда-
лека.

– Да? – Ее удивление не знало границ.

– Именно так! – ответил я настолько убедительно и твердо, что у Полины не осталось никаких сомнений в искренности собеседника.

– А... чем я, простите, заинтересовала ваш телеканал? – осторожно спросила Шлыкова.

– Вы ведь знали бывшего главного редактора газеты «Московский репортер» Геннадия Павловича Нехватова? – спросил я. И тотчас спохватился, что произнес «знали» вместо «знаете». Но было уже поздно...

– Да, – ответила Шлыкова. – Знала и знаю. Это очень хороший и добрый человек.

– Мы делаем передачу, в которой одним из действующих лиц будет являться Геннадий Павлович, – произнес я. – Поэтому вопрос: насколько хорошо вы его *знаете*?

– Достаточно хорошо, – после небольшой заминки ответила Шлыкова. – Мы два года работали вместе в газете «Московский репортер», а когда нашу газету закрыли, то связь друг с другом не потеряли. Встречались, созванивались. Он помог мне трудоустроиться, ну и вообще...

– И вы знаете, чем Геннадий Павлович занимался последнее время, какой вел образ жизни? – снова спросил я.

– Конечно, конечно, – живо отреагировала Полина. – Геннадий Павлович делился со мной своими проблемами, а я своими.

– Это очень хорошо, – констатировал я. – Отсюда у меня к вам такое предложение: как вы смотрите на то, чтобы рассказать о Нехватове все, что вы о нем знаете, на камеру?

– И что, это потом покажут по телевизору? – спросила она.

– Покажут, – вполне определенно ответил я.

– А это обязательно – снимать меня на камеру? – нерешительно спросила Шлыкова. – Просто так поговорить нельзя?

Под запись. Или на диктофон, например.

– Мы же телевизионный канал, Полина Владимировна, – с небольшой долей участия произнес я. – Нам нужен видеоряд, синхроны. Картинка. Да вы не беспокойтесь, – поспешил заверить ее я. – Это будет обычное журналистское интервью, только снятое на камеру.

– Ну я не знаю, – снова нерешительно промолвила Шлыкова. – Все это как-то... неожиданно, что ли...

– Согласен, – сказал я. – Поэтому мы можем отложить наше интервью... скажем, до завтра. Ну как? – После этой фразы наступило молчание, после которого мне нужно было произнести что-то очень убедительное. И я сказал вполне искренне: – Согласитесь, ведь Геннадий Павлович вполне достоин того, чтобы рассказать о нем людям.

– С этим я полностью согласна, – произнесла Полина Шлыкова.

– Значит, вы должны согласиться и дать нам интервью, – вполне резонно заметил я.

– А когда и где? – начала сдаваться бывший корректор газеты «Московский репортер».

– Это как вам будет удобно, – сказал я.

– Тогда, – Шлыкова немного помолчала, – вы не могли бы приехать ко мне домой? Завтра вечером, скажем, к семи часам. Мужа не будет дома, дочь живет отдельно, так что нам никто не помешает. Просто у меня много работы. А времени, как всегда, не хватает. И мне не хотелось бы выходить из

дома и попусту тратить время на дорогу.

– Без проблем, – ответил я. – Завтра в семь вечера мы у вас. Какой у вас домашний адрес?

Когда Шлыкова продиктовала мне адрес, то, чуть помедлив, добавила:

– Простите, но не могли бы вы назвать себя и еще раз сказать, какой телеканал вы представляете?

– Наш телеканал называется «Авокадо», – ответил я и замешкался. Почему я не представился Шлыковой сразу? Даже не знаю. Может, потому, что хотел сначала просто пошутить. Что у меня не очень получилось, и теперь я попал в достаточно неловкое положение. А может, опасался, что Шлыкова упросит меня не снимать ее, когда поймет, с кем именно разговаривает. Полина Шлыкова никогда не любила повышенного к себе внимания и на людях была не очень-то разговорчива. Да и специфика ее работы была отличной от журналистской. Ведь журналисты работают с людьми и ситуациями вокруг них, а корректор трудится сугубо с текстами. То есть в тишине и полном одиночестве... А иметь синхрон со знающим и уважающим Нехватова человеком мне для будущей программы ой как было нужно! Но все равно, назвать себя следовало, раз об том спрашивали. И я нерешительно произнес: – Меня зовут...

– Как, вы говорите, называется ваш телеканал? «Авокадо»? – переспросила меня Полина Шлыкова, не дав мне назвать свое имя. – А вам незнаком Аристарх Русаков?

– Как же незнаком, очень даже знаком, – уклончиво ответил я.

– Как у него успехи? – заинтересованно спросила Полина.

– У него все благополучно, – ответил я.

– Вам очень повезло, – промолвила Шлыкова.

– В смысле? – поинтересовался я.

– В том смысле, что Аристарх Русаков большой умница, – без тени сомнения ответила Полина.

– Спасибо, – сказал я.

К похвале, как и всякий творческий человек, я всегда был равнодушен, тем более что в данном случае она была произнесена за глаза. Что польстило мне еще больше.

– Мы с Аристархом вместе работали два года в газете «Московский репортер», где главным редактором был как раз Геннадий Павлович Нехватов, – сказала Шлыкова. – Так что Русаков тоже может многое рассказать об этом замечательном человеке.

– С ним мы уже поговорили, – ответил я. – Теперь очередь за вами.

– Хорошо, – сказала Шлыкова. – Завтра в семь я буду вас ждать. Кстати, много хорошего о Геннадии Павловиче Нехватове могут еще рассказать его бывшие сослуживцы Виктор Жмуркин, который был его заместителем, и Владимир Чикин. Дать вам их телефоны?

– Спасибо, мы с ними уже побеседовали, – ответил я.

– Да? – спросила Полина. – Ну тогда до завтра.

– До завтра, Полина Владимировна, – сказал я и положил трубку.

Глава 4

Интервью с Полиной Шлыковой, или Незавершенное дело Нехватова

Вторая половина мая выдалась жаркой. Я бы даже сказал, невыносимо знойной. На улице свирепствовала такая страшная духота, что попряталось все живое. Город практически замер. Люди предпочитали сидеть в своих квартирах, включив кондиционеры, вентиляторы, устраивали сквозняк, чтобы хоть как-то продохнуть. Но с улицы в дома шел плотный воздух вместе с разной гадостью от выхлопных газов и асфальтовых испарений. Огромный город, вполне устроенный для житья, в котором имелось все мыслимое, дабы потешить тело и душу, в жару превратился в каменный мешок, тяжелый и давящий, из которого хотелось вырваться прочь. Собственно, люди так и поступали: кто уезжал на дачу, кто просто за город, иные предпочитали совершить путешествие, так что дорожных пробок как будто бы даже прибавилось. Поэтому когда мы прибыли к Полине Шлыковой, с нас катилось по семь потов, и дышали мы как загнанные лошади.

Конечно, Полина была рада меня видеть.

– Знаешь, я так и думала, что снимать меня приедешь ты, – объявила она мне с улыбкой.

– И правильно думала, – промолвил я, не решаясь признаться, что именно со мной она вчера разговаривала поотовому телефону.

– С чего начнем? – спросила Шлыкова.

– С чего-нибудь холодненького из холодильника, – ответил я, озвучив не только свое заветное желание, но и моего неизменного оператора Степы Залихватского.

Холодненькое нашлось, и через три минуты мы сидели втроем на кухне и пили холодный домашний квас с пряниками.

– Значит, ты разговаривал уже со Жмуркиным и Чикиным, – сказала Шлыкова. – И как они?

– У них все благополучно, – ответил я. – Вова Чикин работает, а Витюня Жмуркин пребывает дома, лежит на диване и пишет статьи для интернетовских сайтов.

– И как ему платят на его лежачей работе? – с улыбкой поинтересовалась Шлыкова.

– Электронными деньгами, – ответил я, – которые он потом с небольшими потерями переводит в настоящие бумажные. После чего встает с дивана, идет в банк или на почту и получает свои бабки. И раз он не жалуется, значит, на жизнь ему хватает.

– А ты, значит, на телевидении работаешь, – посмотрела на меня Полина.

– Ага, репортером, – ответил я. – Делаю передачи, программы, которые сам и веду.

– А с самим Геннадием Павловичем ты виделся? – спросила Полина.

– Виделся, – ответил я, соображая, как поделикатнее продолжить разговор. – Вчера... Случайно встретились на остановке автобусной. Он сказал, что последние несколько лет занимается одним делом, – тут я посмотрел на Шлыкову, и она согласно кивнула, дескать, это мне известно. – Договорились встретиться вечером и поговорить. Но, увы, не получилось... – Я решил пока не говорить Полине, что Геннадия Павловича больше нет и поговорить мне с ним больше не удастся никогда. Да и непросто ей сообщить... – А ты что-нибудь знаешь о том, чем занимался Геннадий Павлович последние несколько лет? Он ведь, кажется, нигде не работал официально?

– Не работал, – подтвердила Шлыкова. – А дело... Не знаю, имею ли я право говорить о нем. Лучше ты сам его обо всем расспроси.

– Не получится, Полина. – Я невольно отвел взгляд, решив наконец сказать Шлыковой об убийстве Нехватова. – Убили его... Прямо на той автобусной остановке. Буквально на моих глазах...

Полина закрыла лицо ладонями и беззвучно заплакала. Я не решился это снимать и отрицательно помотал головой, поскольку Степа уже стоял за камерой с того самого момен-

та, как Шлыкова спросила, виделся ли я с Геннадием Павловичем. Понятливый Степа на время выключил камеру и уставился на меня, ожидая дальнейшей команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.